

Г. П. Визгалов^{1, 2, 3}, О. В. Кардаш^{1, 2}, М. В. Коноваленко³

¹ Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия
E-mail: vizgalovgp@mail.ru

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

³ НПО «Северная археология-1»
проезд 5п, стр. 9, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: konovalenkomarinav@yandex.ru

Тазовская мастерская¹: производственно-жилой комплекс XIII–XIV веков в низовье реки Таз

Аннотация. На территории Севера Западной Сибири крайне малоизвестно, а тем более изучено стационарными раскопками ремесленных мастерских, в том числе по металлообработке эпохи Средневековья. Один из таких памятников был выявлен на Крайнем Севере в низовье р. Таз. Авторы первого исследования определили его как «ювелирную» мастерскую, принадлежащую аборигенному населению. После проведенного стационарного археологического исследования этого памятника, а также других синхронно функционировавших объектов данная интерпретация представляется сомнительной. В настоящей статье представлены результаты последних лет исследований и их анализ с привлечением широкого круга источников. Дано обоснование гипотезы новой интерпретации памятника – торгово-производственной фактории, связанной с продвижением населения Северо-Восточной Европы в Западную Сибирь.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, река Таз, Тазовская мастерская, Новгород Великий, Югра.

Введение

Памятник находится в Тазовском районе ЯНАО, в 132 км на юго-восток, восток от районного центра пос. Тазовский, и в 655 км на северо-восток, восток от окружного центра г. Салехарда, на правом берегу реки Таз, в 140 км от устья, в 5,0 км к западу от фактории Надо-Марра, в 1 км к северо-западу от устья р. Соръяхи (рис. 1). Географические координаты: 66°58'24.49»ССШ, 81°29'34.13»ВД.

Ландшафтная ситуация. Тазовская литейная мастерская расположена на правом коренном берегу реки Таз, в 7 км выше впадения в нее р. Русской (Луце-Яха), на мысу, образованном руслом реки Таз и впадающего в нее безымянного ручья (рис. 1). Мыс вытянут по оси запад-юго-запад – восток-северо-восток, вдоль русла реки.

Растительный покров представлен смешанным лесом (береза, ель, сосна), средний ярус – кустарники (малина, смородина, шиповник), нижний ярус занимает густая высокая луговая растительность (рис. 2).

¹ Первыми исследователями данный памятник был определен как Тазовская литейная мастерская, под этим названием он и был принят на государственную охрану за номером 308, утвержден приказом руководителя департамента культуры ЯНАО № 52 от 15.02.2016. Мы в своей статье называем этот памятник Тазовская мастерская, поскольку это название наиболее полно отражает характер поселения и его функциональное назначение.

Хотелось бы отдельно отметить, что Тазовская мастерская расположена буквально в 5 км от фактории Надо-Марра, которая существовала в 20–70-х гг. XX века. На наш взгляд, место для создания поселения было выбрано неслучайно, и этому способствовали несколько факторов. Все фактории возникали в месте сезонных летних поселений аборигенного населения. К тому же это место до сих пор является местом сходимки гыданских ненцев для рыбной ловли (рис. 3, 4). Вполне возможно, что это довольно древнее место, куда съезжались ненцы, и оно было выбрано специально для строительства торговой фактории, которая осуществляла производство кузнечных изделий и литых ювелирных украшений для обмена на пушнину.

История изучения

В 1969 г. комплексной экспедицией, организованной Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды с участием сотрудников Института археологии АН СССР, был выявлен памятник археологии «Тазовская литейная мастерская». Л. П. Хлобыстиным и О. В. Овсянниковым проведено обследование памятника. Результаты исследований 1969 г. изложены в статье «Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье», которая является единственной публикацией, посвященной изучаемому памятнику.

Исследователями отмечено интенсивное разрушение прибрежной части мыса водами р. Таз. Археологическая коллекция, полученная при сборах с береговой части и одного шурфа, состоит из 59 предметов: из них 35 изделий из бронзы и серебра, представляющих целые или фрагментированные украшения, и 14 изделий из железа, а также большое количество фрагментов серебряной проволоки и медных пластин [Хлобыстин, Овсянников, 1973. – С. 248].

Многочисленную категорию обнаруженных находок, так называемый массовый материал, составляет сырье литейного производства и металлообработки: капли и слитки цветных металлов, фрагменты шлаков со следами бронзы и железа, фрагменты железной руды, куски бронзы, застывшие в каналах литейных форм. К сожалению, в статье не приводятся данные о количестве найденных находок этой категории. Однако наличие находок такого плана ставит под сомнение интерпретацию этого памятника как бронзолитейной мастерской. Наличие шлаков, криц и фрагменты железной руды указывают на кузнечное производство, которое по каким-то причинам не было взято во внимание авторами первого исследования. Хотелось бы также отметить, что интерпретация авторами первого исследования данного памятника как ювелирной мастерской аборигенного населения была сделана на основании анализа артефактов, собранных с поверхности и обнаруженных в шурфе, вне контекста планировочной структуры комплекса, мощности культурного слоя и анализа палеоэкологических материалов, на основании которых можно сделать вывод о хозяйстве и экономике поселения, а также о сезонности функционирования. На основании только сравнительно-типологического анализа бронзовых артефактов время функционирования «Тазовской литейной мастерской» было определено в пределах X–XIII вв. н. э. [Хлобыстин, Овсянников, 1973. – С. 257].

Исследования «Тазовской литейной мастерской» возобновились в 2005 г. При проведении рекогносцировочного обследования в бассейне нижнего и среднего течения р. Таз одним из авторов статьи уточнено местоположение памятника и его современное состояние, выполнена глазомерная съемка и заложены стратиграфические разрезы (два шурфа и зачистка) [Визгалов, 2005].

В стратиграфических разрезах был зафиксирован культурный слой и артефакты. Археологическая коллекция, полученная при сборах с береговой части и шурфов, состоит из 21 предмета: из них изделия из меди, фрагменты стенок котлов – 6 экз. и одно украшение, украшения из бронзы и серебра – 3 экз., фрагменты тиглей – 3 экз., шлаки и крицы – 8 экз.

В результате работ 2005 г. состояние памятника оценивалось как аварийное, что обосновало необходимость проведения дальнейших археологических работ.

В 2012 году были начаты охранные стационарные исследования², связанные с необходимостью предотвращения разрушений, таких как осыпание склона коренного берега, размываемого паводковыми

² Работы были проведены по ГК № 78 от 5 июня 2012 г. «Проведение противоаварийных раскопок разрушающегося памятника археологии «Тазовская литейная мастерская», заключенного между департаментом культуры ЯНАО и ИП Кардаш О. В.

и тальми водами, и негативное антропогенное воздействие, связанное со строительством и функционированием автозимника «Ванкор – Уренгой». В ходе полевых археологических работ было заложено два рекогносцировочных раскопа общей площадью 23 кв. м на сохранившихся участках культурного слоя. В раскопе № 1 изучен фрагмент сооружения 1, вероятно, жилища. Также в раскопе № 1 исследованы остатки двух печей или горнов – единственные на сегодняшний день на Крайнем Севере Западной Сибири сооружения, связанные с металлообработкой в средневековье.

В результате археологических работ получена коллекция из 85 единиц артефактов: из них изделий из железа – 15 экз., цветных металлов – 24 экз., кости и рога – 15 экз., керамики – 5 экз., камня – 5 экз., стекла – 9 экз., бересты – 12 экз., датирующихся XII–XIV вв. н. э.

Архитектура

Для размещения Тазовской мастерской была использована относительно ровная площадка оконечности мыса, с трех сторон окруженная естественным крутым склоном. Территория поселения мастерской разделена на две части хорошо фиксируемым понижением рельефа глубиной около 5 м, шириной 25 м. Происхождение его пока не выяснено, не исключено, что это часть оборонительной системы – специально созданный ров с крутыми склонами, угол которых составляет около 30°. Вероятно, ров с западной и юго-западной сторон ограничивал укрепленную часть поселения мастерской. Поэтому для простоты понимания эти площадки получили обозначение № 1 на стрелке мыса и № 2, расположенной в глубине террасы.

С южной стороны мыс интенсивно подмывается паводковыми водами, поэтому часть склона вдоль берега осыпается. В разрушенном откосе фиксируется культурный слой – это значит, что большая часть, возможно, около половины комплекса Тазовской мастерской, уже утрачена. Достоверно общие размеры территории Тазовской литейной мастерской определить невозможно. Реконструируемые размеры площадки № 1 составляют 30 × 30 м, площадки № 2 – 15 × 15 м (рис. 7).

Площадка № 1, предположительно, являлась основной укрепленной частью поселения. Она расположена на участке естественного рельефа, с трех сторон окруженного крутым склоном и с четвертой понижением с отвесными краями, похожим на ров. Высота берега в месте размещения площадки № 1 мастерской достигает 10 м над уровнем поймы. Склоны с южной и восточной сторон, обращенные к реке, крутые, обрывистые (рис. 5). С северной и восточной сторон также фиксируются довольно крутые склоны, возвышающиеся на 10 м от уровня поймы в среднем под углом примерно 30°, в центральной части склона и у вершины угол достигает 45°, подобно склонам городка Монкысь Урий, которые являлись частью фортификационной системы и были специально сформированы для дополнительной защиты поселенческого комплекса [Кардаш, Визгалов, 2015. – С. 78–83].

Площадка № 2 была размещена на менее защищенной территории (рис. 6). С южной стороны ее также защищает крутой береговой склон высотой 8 м от уровня поймы, с северной и восточной сторон склоны пологие, они возвышаются над уровнем поймы примерно на 8 м под углом около 10°, с западной же стороны фиксируется небольшое повышение рельефа.

Таким образом, естественный рельеф участка местности был использован для размещения укрепленного жилого комплекса без дополнительных земляных работ по строительству оборонительной системы.

На площадке Тазовской литейной мастерской остатки каких-либо сооружений визуально не фиксируются. О планировочной структуре на сегодня пока ничего не известно в связи с малой площадью исследования. В раскопе № 1 2012 года зафиксированы остатки сооружения № 1 (рис. 8).

Сооружение № 1 исследовано частично. В 2012 году раскопом охвачена юго-восточная часть постройки. Размеры изученного участка – 2 × 4,5 м, 9 м². Реконструируемые размеры сооружения ориентировочно составляли 5 × 5 м. На исследованной территории зафиксированы 2 столбовые ямы, с восточной и северной сторон на дне котлована обнаружен древесный глеч от тонких плах, перекрытых сверху полосами бересты, вероятно, являющихся остатками настила от нар (рис. 10, 11)

В стратиграфии котлована постройки зафиксированы следующие слои:

– темный серо-коричневый гумусированный суглинок с углями, шлаками и обожженной глиной;

- темно-серый гумус с вкраплениями песка и древесного тлена;
- серо-коричневый гумусированный суглинок с вкраплениями древесного тлена, песка и бересты;
- светло-серая супесь.

Мощность культурного слоя составляет около 0,5 м (рис. 12, 13).

По полученным данным реконструируется постройка каркасно-столбовой конструктивной системы, землянка или полуземлянка с земляным полом, с нарами вдоль восточной стены, покрытыми настилом из досок и бересты, вероятно, с центральным очагом. Конструкция кровли (скатная или плоская) достоверно не реконструируется. Известно, что она состояла из нескольких слоев: уложенной на балки деревянной обрешетки, теплоизоляционного слоя бересты, слоя утеплителя – грунтовой подсыпки и дернового слоя, фиксирующего бересту и грунт [Коноваленко, 2013].

На основании анализа стратиграфии, с учетом глубины жилищного котлована и мощности культурных отложений можно сделать вывод о длительности существования этого поселения, которое вряд ли превышало столетие. Судя по времени бытования найденных артефактов, мы можем ограничить период существования концом XII – началом XIV в.

В итоге по ряду морфологических признаков можно заключить, что Тазовская мастерская – это оборонительно-жилой комплекс с естественной системой фортификации в виде понижения или рва с одной стороны и естественного крутого склона с трех сторон площадки.

Следует отметить, что это самый ранний оборонительный комплекс из числа известных, расположенных в бассейне р. Таз. Единственное известное укрепленное поселение – это городище Мангазея XVII в., которое было основано русскими. Все известные на сегодня памятники являются поселенческими без оборонительной функции, что косвенно указывает на иноэтничность основателей Тазовской мастерской и на возможность возведения ее выходцами из Северо-Восточной Европы.

Вещевой комплекс

Археологическая коллекция, полученная при исследованиях в 1969 г.³, 2005 и 2012 г., состоит из 155 предметов и представлена следующими функциональными группами: украшения костюма и тела человека – 51 экз., принадлежности охоты – 5 экз., принадлежности рыболовства – 4 экз., универсальные орудия и принадлежности – 8 экз., швейные принадлежности – 5 экз., инструменты литейного производства – 12 экз., заготовки и отходы кузнечного производства – 20 экз., заготовки и отходы косторезного производства – 9 экз., предметы быта – 30 экз., предметы ритуального костюма – 13 экз. Также были найдены крицы, шлаки, куски ошлакованной глины, фрагменты обмазки, различные отходы литейного производства, которые не были включены в коллекционные описи исследователей, поэтому установить точное количество не представляется возможным.

Украшения костюма и тела человека составляют самую многочисленную группу артефактов. По материалу изготовления их можно разделить на три группы – это цветные металлы (бронза и серебро), стекло и кость. Изделия, изготовленные из бронзы и серебра, представлены разнообразными типами предметов. Рассмотрим их подробнее

Круглая плоско-коническая бляшка – 1 экз. изделие представляет собой полусферу, в центре сферический умбон, обрамленный валиком, на оборотной стороне перемычка для прикрепления к основе. Отлита из бронзы в двусторонней литейной форме (рис. 16 – 16). Подобные изделия широко представлены в погребениях конца XI – XIII в. в Западной Сибири [Чемакин, Карачаров, 1999. – Рис. 19, 11], в частности, обнаружены в Ликинском могильнике X–XIII вв. [Викторова, 2008. – С. 88; рис. 81].

Подвеска в форме лапки водоплавающей птицы (лапчатая) – 1 экз. Изделие ажурное, с парными прорезями, выполнено из бронзы, имитирует перепончатую лапку водоплавающей птицы. Размеры 5,2 × 2,2 × 2,2 см, практически плоское. Данное изделие явный производственный брак: нет отверстия для подвешивания, рельефного рисунка, неровные отверстия в нижней части. Обнаруженный образец плохого качества, орнамент неразличим (рис. 16 – 1).

³ Для достоверности статистических данных о количестве предметов, входящих в состав функциональных групп, были включены артефакты, полученные при исследованиях 1969 г., но описание самого вещевого комплекса дано в следующей статье: Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1971. – С. 248–257.

Появление этого типа украшений, судя по материалам раскопок, относят ко второй половине – концу XII в., а широкое бытование в культуре приходится на XIII–XIV вв. К середине XV в. их массовое изготовление прекращается, но бронзовые подвески, изготовленные в XIII–XIV вв., присутствуют на ритуальных костюмах вплоть до первой трети XVIII века [Чемакин, Карачаров, 2002. – С. 60–65; рис. 20 – 7, 8; Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 115–116; рис. 41 – 22, 24; Кардаш, 2013а. – С. 145; рис. 3.13 – 10, 14 – 2].

Подвеска – 1 экз., представляет собой сдвоенные фигурки бобров (рыбок?). Отлита из бронзы. Левая фигурка длиннее и уже правой – $47 \times 13 \times 1,75$ мм, правая имеет размеры $42 \times 17 \times 2$ мм. Расстояние между фигурками 11 мм, они соединяются двумя перемычками. В верхней части фигурок обозначены глаза, в средней части – две параллельные линии, от которых отходят боковые косые линии, имитируя рыбий скелет. Данная фигурка – явный производственный брак, в связи с этим определить точные морфологические признаки, позволяющие интерпретировать фигурки как изображения рыб или бобров, затруднительно (рис. 16 – 2, 2а).

Подвеска – 1 экз., изделие выполнено в виде удлинённой трапеции, в верхней части круглое отверстие для подвешивания. Изготовлена из серебра. (рис. 16 – 3) Подобные изделия встречаются в средневековых святилищах европейского Северо-Востока [Мурыгин, Кардаш, Липс, 2017. – С. 184].

Привеска, деталь шумящей подвески. Привеска выполнена из бронзы. Цельнолитая трубочка с петлей для подвешивания, круглая в сечении, орнаментирована горизонтальными поясами гладких и рубчатых валиков. (рис. 16 – 4) Подобные изделия широко распространены на территории Приуралья и Западной Сибири, в Среднем Приобье, локализуются в пределах XII–XIV вв. [Чемакин, Карачаров, 2002. – С. 60–62; рис. 19: 12; Семенова, 2001. – С. 76; Кардаш, 2011].

Шумящая подвеска, щиток – 1 экз. Щиток арочной формы, в верхней части есть петля для подвешивания, в нижней части три петли для крепления привесок. Щиток по контуру орнаментирован валиком, затем ближе к центру идет псевдозернь, далее гладкий валик, рубчатый валик, в центре три капли, расположенные треугольником, каждая капля орнаментирована двумя валиками, треугольник из капель заключен в арку из гладких валиков, расположенных в два ряда, но основание арки выполнено из одного гладкого валика (рис. 16 – 5). Ближайшие аналогии известны в могильниках XI–XIV вв. н. э. вымской культуры на Вычегде [Савельева, 1987. – Рис. 31, 11], в частности в Кичилькосьском II могильнике второй половины XIII в. [Савельева, 2015. – Рис. 6 – 1, 2; рис. 10 – 1], в могильниках XII–XIV вв. н. э. родановской культуры Прикамья [Оборин, 1999. – Рис. 4, 10].

Браслет – 1 экз., фрагмент. Выполнен из бронзы, в сечении круглой формы, длина 4,9 см, диаметр от 0,3 до 0,4 см. По выгнутому ребру (спинке) проходит волнистый гребень.

Бусины – 9 экз. Представленные бусины зонные. Зонные бусы глухие черные инкрустированы белыми волнистыми полосами или хаотичными белыми, желтыми и красными овальными пятнами. Полупрозрачная зеленая инкрустирована желтым зигзагом. Синяя, серая, полупрозрачная голубая – без инкрустации, выполнены в технике навивки (рис. 16 – 6–15)

Все обнаруженные бусины находят аналогии в материалах раскопок средневекового Белоозера – одного из крупных городских центров Северо-Восточной Руси, где около трети находок приходится на долю стеклянных бус, поступавших туда как из крупнейших русских городов, так и различных стран Востока и Запада [Захаров, 2004. – Рис. 301, 303, 304]. По материалам раскопок на Кубенском озере подобные зонные бусины датируются концом XI – XIII в. [Археология севернорусской деревни..., 2008. – С. 162; рис. 148]. Аналогичные бусины имеются в вещевом комплексе Надымского городка, городища Бухта Находка [Кардаш, 2011. – С. 40; рис. 51; 2013а. – С. 207; рис. 3.12 – 17–26].

Изделия из кости представлены двумя подвесками – фрагментами челюстей песка с отверстием для подвешивания (рис. 19 – 5, 6). Согласно материалам раскопок средневековых памятников подвески из костей животных были повсеместно распространены. Например, на территории Прикамья подвески из различных костей животных известны с эпохи раннего железного века до позднего средневековья [Ашихмина, 1977. – С. 156; рис. 8 – 3; Голдина, Кананин, 1989. – Рис. 77 – 5; 83 – 39; Археология Республики Коми, 1997. – С. 679; рис. 8 – 25]. Довольно много найдено подвесок-амулетов из астрагалов бобра, овцы, клыков лисы и медведя в памятниках X–XIII веков на территории Поволжья – в Болгаре,

на Руси – в Старой Ладогге, Белоозере, окрестностях Старой Рязани [Закирова, 1988. – С. 233; рис. 103 – 11; Древняя Русь, 1997. – С. 157; табл. 93 – 19; Судakov, Буланкин, 2005. – С. 271, 278; рис. 5 – 2–8, 13–15].

Принадлежности охоты представлены различными наконечниками стрел. Три из них изготовлены из железа и относятся к следующим типам: вильчатый срезень и граненый бронебойный. Один изготовлен из кости и относится к типу ромбических.

Наконечник стержневидный (бронебойный) – 1 экз. Стержневидные, квадратного сечения с криволинейно-треугольной боевой головкой ромбического сечения, снабженной двумя тонкими шипами, размеры $13,3 \times 0,8 \times 0,6$ см, длина острия 4,1 см. Шипы на острие расположены ассиметрично, возможно, это дефект при изготовлении либо утрата под воздействием коррозии (рис. 17 – 1).

Наконечник близок к типу 78 по классификации А. Ф. Медведева, который бытовал с IX по XIV в. и имел широкое распространение в XIII–XIV вв. [Медведев, 1966. – С. 79, 80; табл. 25, 14, 28, 18; Мурыгин, 1992. – С. 49].

Наконечники стрел с поражающей (боевой) частью в форме широкой вилки («вильчатый срезень») – 2 экз. Наконечники стрел плоские черешковые без упора. Представляют собой железную пластину в форме вытянутого равнобедренного треугольника, в сечении имеет прямоугольную форму. Боевая часть образована треугольным вырезом в верхней грани в виде широкой двузубой вилки, заточка нанесена по внутреннему краю выреза. Лопасты прямые, плавно сужаются и переходят в черешок. Узкий конец пластины служит черенком-насадом. Размеры $7,2 \times 1,6$ и $12,2 \times 2,3$ см (рис. 17 – 2, 3).

Этот тип наконечников имеет широкие временные рамки бытования – с конца I тыс. н. э. до этнографической современности. Подобные вильчатые срезы относятся по классификации А. Ф. Медведева к типу 59 и бытовали в X–XI вв. в Приладжье, Прикамье и Ярославском Поволжье [Медведев, 1966. – С. 71; табл. 30, 55; 18, 36; Мурыгин, 1992. – С. 49]. В Зауралье и Западной Сибири период их существования гораздо шире: наиболее ранние экземпляры найдены на городище Няксимволь (III–II вв. до н. э. – I–II вв. н. э.) в Нижнем Приобье [Борзунов, Чемякин, 2015. – С. 53], наиболее поздние датированы новым и новейшим временем [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 70; рис. 33 – 5, 34 – 6, 17; Кардаш, 2009. – С. 150, 212; рис. 3.17 – 1–6; 2015. – С. 213; 378; рис. 3.2.3 – 7–9; Мартин, 2004. – С. 52–53; рис. 40–43; табл. 1 – 9–11; Стефанов, 2002. – С. 182; рис. 8–9].

Ромбовидный наконечник – 1 экз. Наконечник стрелы черешковый плоский без упора. Перо ромбической формы, в сечении – уплощенное ромбическое. Черешок в сечении уплощенный четырехугольный, плавно сужается к основанию. Изготовлен из кости. Размеры $9,3 \times 1,2 \times 0,5$ см (рис. 17 – 4).

Аналогичные костяные наконечники имеются в коллекции вещей Надымского городка из слоя конца XVI – первой трети XVIII века [Кардаш, 2013а. – С. 149, рис. 3.16 – 10]. Находки таких наконечников на других средневековых поселениях единичны и относятся преимущественно к XVI–XVII вв. [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 79; рис. 40 – 17; Семенова, 2001. – С. 40; табл. 17].

Принадлежности рыболовства представлены рыболовными крюками (рис. 17 – 5, 6) и иглой для вязания сетей.

Игла для вязания сетей – 1 экз. Имеет форму вытянутой пластины, снабженной с обеих сторон смыкающимися усиками. Размеры $28,0 \times 2,0 \times 0,8$ см. Длина усиков 7,9 и 8,3 см (рис. 19 – 4). Аналогичные иглы найдены в культурном слое городища Бухта Находка и Надымского городка [Кардаш, 2011. – С. 30; рис. 38; 2013а. – С. 230; рис. 3.35 – 4].

Универсальные орудия и принадлежности представлены фрагментами точильных брусков.

Орудия труда и инструменты представлены швейными принадлежностями и инструментами литейного производства.

К швейным принадлежностям относятся иглы, шило и проколки (рис. 17 – 7–9).

Инструменты литейного производства представлены целыми и фрагментами тиглей, литейными формами, стержневидным пробойником.

Тигель рюмковидный. Емкость тигля овальной яйцевидной усеченной формы. Объем тигля чуть больше 100 мл. Чашечка тигля в плане – эллипсовидная. Ножка тигля в сечении круглой формы. Внешняя поверхность тигля местами в трещинах, неровная, шероховатая, с небольшими шарообразными выступами. Местами гладкая, глазурированная стекающими при отливке фракциями флюса

и шлака. Цвет глины от светло-серого до темно-коричневого и черного. Внутри стенки неровные из-за налипших и прикипевших шероховатых зернистых кусочков шлаков и окиси (рис. 14, 18 – 1, 3).

Рюмковидные тигли в Северо-Западной Сибири появляются на памятниках карымского типа IV–VI вв. и бытуют до конца XI – XII в. [Челякин, Карачаров, 2002. – С. 48; Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 98]. Данная форма тиглей является уникальной и имеет важный культурно-хронологический аспект. Все известные тигли рюмковидной формы гораздо меньше по объему и не имеют такого раздутого тулова.

В коллекции есть предмет неизвестного назначения, представляющий собой клиновидное изделие размерами 16 × 13,5 × 12,3 см. Изделие состоит из основания с двумя отверстиями, пересекающими друг друга в торцевом профиле разреза под углом около 90 градусов. Верхнее отверстие имеет форму эллипса, нижнее – округлое. Вероятно, данные отверстия предназначены для крепления зажима на стержне в разных перпендикулярных плоскостях.

Длина зажимных лопастей 12,3 см, расстояние между ними у основания 0,4 см, толщина – 0,3 см и 0,4 см, к концу изделия они постепенно сходятся вплотную друг к другу и становятся тоньше (рис. 19 – 2).

Назначение изделия неясно. Оно могло использоваться как ювелирный инструмент – пинцет, который с помощью отверстий крепился стационарно на стержень, а мелкая заготовка прочно закреплялась меж лопастей, фиксируемых специальным сдавливающим кольцом, надевающимся на них. Похожий предмет имеется в коллекции вещей Стадухинского острога и идентифицируется как держатель железных наконечников стрел, но у него отверстия в верхней части расположены в одной плоскости параллельно друг другу [Алексеев, 1996. – С. 126].

Заготовки и отходы кузнечного производства представлены крицами, кусками шлаков, различными отходами литейного производства, конкрецией железной руды. Хотелось бы обратить внимание на фрагменты металлургических криц. Найденный фрагмент крицы имеет следующие размеры: 11,8 × 6,0 × 4,3 см, по ним мы можем реконструировать диаметр целой крицы – он около 25–30 см, толщиной 2,5–4 см, с высоким содержанием железа – около 50–60 % (рис. 18 – 2). По нашему мнению, жители этого поселения получали уже готовые крицы, поскольку для изготовления криц таких размеров необходимо несколько условий – это качественное сырье и топливо. Ближайший источник сырья, которое использовалось для изготовления различных изделий из железа и цветных металлов, расположен на Среднем Урале. Рассматривая второй аспект получения криц, необходимо отметить, что наиболее качественный древесный уголь получается только из очень ограниченного числа пород дерева – из всех достаточно редких и медленно растущих твердолиственных пород (дуб, граб, бук) и березы. Уже из хвойных – сосны или ели – древесный уголь получается более хрупким и с большим выходом мелочи и угольной пыли. Технология получения железа очень требовательна и к качеству топлива (угля), и к температуре процесса. Хороший, чистый и плотный древесный уголь мог обеспечить как хорошую температуру процесса, так и полное восстановление железа, пережигание всех вредных примесей и правильное остаточное содержание углерода в полученном кричном железе. Растительный покров в месте расположения Тазовской мастерской не мог дать качественное топливо.

Таким образом, у жителей поселения отсутствовала возможность самим изготавливать такие крицы. Рассматривая синхронно функционировавшее городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в., принадлежавшее только аборигенному населению, стоит отметить, что крицы в составе вещевого комплекса есть, но они значительно меньше, их диаметр около 10–12 см при толщине 1,5 см.

Возвращаясь к размерам и качеству криц, нужно отметить, что сам процесс переработки крицы в изделие был непростым. Крица разбивалась, нагревалась и проковывалась. Для того чтобы разбить такую крицу, необходим был очень массивный инструмент. В связи с малой площадью исследования инструменты кузнечного производства не были найдены, но в рекогносцировочном раскопе № 1 2012 г. были зафиксированы остатки двух печей, а также каменные наковальни со следами утилизации, что прямо указывает на кузнечное производство. Горны представляли собой углубленное основание в виде цилиндрической ямы реконструируемым диаметром 0,8 м, врезанное в материк на глубину до 0,5 м. В заполнении была зафиксирована прокаленная глина со шлаками, серая слабо обожженная глина, по краям яма проложена берестой и деревом, от которого сохранился перегной.

Можно высказать предположение, что такое качественное сырье – крицы с содержанием железа около 50–60 % доставлялось для кузнечного производства различных изделий с последующим совершенствованием торгово-меновых операций на пушнину.

Несомненно, на синхронно функционировавших памятниках, принадлежавших аборигенному населению, есть следы кузнечного производства, но это так называемая «ковка на обухе топора», производившаяся в домашних условиях. Наличие горнов указывает на иные технологические приемы, которые не были свойственны аборигенному населению. Подобные горны с углубленным основанием были зафиксированы на Рачевском комплексе XII в. [Зыков, 1986. – С. 124].

Предметы быта представлены посудой – фрагментами стенок медных котлов (рис. 17 – 10–23). Медные клепаные котлы и их фрагменты – одна из самых массовых находок на поселениях и в погребениях Северо-Западной Сибири XIII–XVII вв. [Кардаш, 2011. – С. 36; рис. 46; Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 106; Кардаш, 2013а. – С. 232; рис. 3.37 – 5–7].

К предметам костюма относятся костяной гребень и детали берестяного воропа.

Гребень-заколка – 1 экз., односторонний трапециевидной формы, размеры 12,5 × 4,6 × 0,4 см. В нижней части 7 зубцов, крайний правый обломлен и короче других на 5 мм. Зубцы у основания в сечении эллипсовидной формы, на конце – круглой. На спинке гребня вырезан узор в виде оленьих рогов. Рожки длиной 10 мм в составе 8 косых зубцов, 2 зубца утрачены (рис. 19 – 1).

На гладкой лицевой стороне вырезан узор в виде трех трапеций, одна в другой, прочерченных двумя линиями. Обратная сторона гребня вогнутая. Посередине нее в 3,5 см от верхней части гребня намечено, но недосверлено отверстие. Гребень был найден вертикально воткнутым в берестяное покрытие вдоль стены сооружения. Гребень, аналогичный по форме и орнаментации средней части, имеется в коллекции городища Бухта Находка (конец XII – начало XIV в.) [Кардаш, 2011. – С. 26; рис. 32 – 1].

Гребень относится к деталям костюма, который помимо утилитарного имел знаково-символическое значение. Ряд оснований позволяет подчеркнуть высокий семантический статус и особое сакральное значение гребня в числе бытовых предметов традиционного вещевого комплекса сибирских народов. Такая значимость определяется наличием орнаментированного навершия. Одним из ярких примеров, демонстрирующих связь орнамента и статуса вещи, может служить зафиксированное нами наличие декора на предмете, определяющего его принадлежность потомку обдорских князей Тайшиных. Другой важный фактор, обуславливающий высокий статус, – это прикасание гребня к голове, ассоциировавшейся в сознании сибирских аборигенов с вместилищем души [Алексащенко, Перевалова, 2001. – С. 177; Народы Западной Сибири..., 2005. – С. 195].

В мифологии обских угров гребень является одним из предметов, служащих барьером между мирами; он используется и в некоторых обрядах, в т. ч. на медвежьем празднике [Мифы..., 1990. – С. 65, 101; Алексащенко, Перевалова, 2001. – С. 178].

В составе костюма гребень имел в том числе функцию оберега. Так, при раскопках городища Бухта Находка удалось зафиксировать факт преднамеренного размещения вещей в пространстве жилищ перед оставлением поселения: в разных домах идентичные по функциям предметы находились в одних и тех же местах. Это касается и гребней, найденных справа от очага и в левом переднем углу. Можно предположить, что целые гребни использовались в качестве оберега жилища [Кардаш, Пономарева, 2010. – С. 80].

Также обращает на себя внимание недосверленное отверстие в верхней части гребня, которое, по всей видимости, было предназначено для ношения гребня на поясе или шее в качестве оберега. Аналогичные факты отмечены на приуральских материалах [Иванова, 1998. – С. 170].

Вороп – 1 экз., представлен двенадцатью деталями. Изготовлен из двух слоев бересты, сшитых через край, по краям изделия сохранились отверстия от стежков. Вороп украшен аппликациями из узких полос (рис. 19 – 3). Был обнаружен в яме печи-горна с внешней стороны глиняной обмазки. В археологических материалах севера Западной Сибири вороп массово представлен в вещевом комплексе Надымского городка и городища Бухта Находка [Кардаш, 2011. – С. 23; рис. 29 – 12–15; 2013а. – С. 251; рис. 3.56 – 1–3]. Следует отметить, что воропы, найденные в Надымском городке, меньше по размерам и отличаются по форме, а воропы, найденные в культурном слое городища Бухта Находка, идентичны по форме и размерам воропу, обнаруженному в Тазовской мастерской.

Вороп представляет собой специфический женский пояс, который служил для прикрытия половых органов. Вороп надевали на тело с началом менструации и носили до смерти [Абрамов, 1857. – С. 334; Мартин, 2004. – С. 60–61; табл. 4: 4, 5; Лукина, 1985. – С. 37]. Вороп нес определенную семантическую нагрузку. Здесь стоит отметить, что тело женщины, по представлениям хантов, имело четыре души: душа-голова, душа-сердце-плечи, душа-живот и душа-ноги, а место отсутствия души – «суп» – у женщины прикрывалось менструальным поясом. У мужчины же было пять душ, и пятая душа была сосредоточена в детородном органе, таким образом мужчина считается двухголовым существом. Женщине недостает лишь одной души – второй головы, т. е. женщина асимметрична по отношению к «нижнему миру» и является «безголовой», а наличие «свободного» пространства, куда открыт доступ всякому духу «нижнего мира» как раз и прикрывалось менструальным поясом, чтобы в нее не вселился злой дух [Перевалова, 1992. – С. 90–91]. В этой связи стоит отметить, что сам вороп имитировал фалический символ, ту самую вторую голову, которой лишена женщина.

При сравнительном анализе материалов, из которых изготовлены артефакты, были получены следующие данные. Большинство вещей в коллекции составляют изделия и фрагменты из цветных металлов – 44,5 % и железа – 23,9 %. Изделий из кости, бересты и стекла значительно меньше: соответственно 9,7, 7,7 и 5,8 %. Самые малочисленные группы составляют предметы из глины (5,2 %) и камня (3,2 %).

Многочисленность изделий из металлов отражает основное занятие жителей поселения – металлообработку и указывает на высокую активность в торгово-меновой деятельности.

Различные заготовки предметов из кости указывают на бытовую ремесленную деятельность, которая не была развита.

Вместе с тем большое количество бытовых предметов, в частности различной металлической посуды, свидетельствует об активной деятельности, связанной с приготовлением, хранением и употреблением пищи.

Судя по собранным на городище остаткам, религиозная и обрядовая деятельность присутствовала в жизни населения городка, но не являлась основным занятием.

При сравнительном анализе функциональных групп предметов были получены следующие данные. Самая многочисленная группа представлена украшениями костюма и тела человека – 32,9 %, предметов охоты и рыболовства значительно меньше – 3,2 и 2,6 % соответственно. Универсальные орудия и специализированные инструменты труда имеют следующие показатели: 3,2 и 11 %. Заготовки и отходы кузнечного и косторезного производства – 12,9 и 5,8 % соответственно. Предметы быта и детали ритуального костюма – 17,4 и 8,4 %.

Количество найденных украшений говорит о том, что они изготавливались в производственных масштабах для осуществления торгово-менных операций. Найденные предметы быта – фрагменты стенок медных котлов к этой функциональной группе отнесены условно, поскольку больших фрагментов найдено не было. В этой связи нам представляется возможным использование этих нарубленных стенок для легирования серебром и получения бронзы.

На производственный характер поселения в том числе указывают специализированные инструменты литейного производства, а также заготовки и отходы кузнечного производства.

Охота и рыболовство, равно как и косторезное производство присутствовали в составе занятий жителей поселения.

Детали костюма ритуального назначения говорят нам о том, что на поселении присутствовали женщины, причем аборигенные. Говорить о том, что все население было аборигенным, мы не можем, поскольку на сегодняшний день нет ни одного известного аборигенного памятника со следами ювелирного производства. Так, на синхронно функционировавших памятниках, принадлежавших аборигенному населению, – городище Бухта Находка, городище Ярте VI ювелирного производства нет. Лишь в конце XVI в. в Надымском городке появляется оловянное литье, которое относится к домашнему ремеслу, что, на наш взгляд, является косвенным доказательством проживания на территории поселения иноэтничного мужского населения, которое устанавливало брачные связи с аборигенным.

Рассмотренные категории предметов вещевого комплекса позволяют уточнить характеристику комплекса и назвать его производственно-жилым.

Палеоэкологические материалы

Археозоологическая коллекция состоит из 691 экз. костных остатков. Кости млекопитающих наиболее многочисленны на городке и составляют 80 % от общего количества костных остатков. Определенные кости принадлежат 10 видам диких и домашних животных, 14 видам птиц. Было найдено лишь три кости собак, по которым трудно судить о масштабах собаководства (рис. 15).

Кости из раскопа № 1 – это в большинстве своем кухонные отходы, которые в основном содержат кости наиболее мясных частей тела северного оленя (23 % от всех костных остатков), зайца (32 %) и птицы (22 %). Эти виды составляли основу мясного рациона жителей поселка. Основой питания населения было мясо, вероятно дикого северного оленя. На поселении использовались наиболее мясистые части туши, а головы утилизировались отдельно, в другом месте. Зайца добывали зимой в окрестностях городка, тушки съедали, а головы и лапки сохраняли в жилищах. Значительное количество добываемой в весенне-летнее время водоплавающей птицы (71 %) говорит о ее активном летнем промысле [Визгалов и др., 2013. – С. 325].

Основным объектом пушной охоты был соболь (9 %), меньше добывали песца (5 %). Судя по небольшому количеству костных остатков посткраниального скелета этих животных, охота велась недалеко от жилья. Кроме того, в небольшом количестве добывали бобров, а также бурого медведя, лисицу и росомаху.

На поселении существовал постоянный промысел – охота на птиц. Примерно треть костей принадлежит белой куропатке, ее добывали в лесотундре обычно в зимнее время. Охота могла вестись с поздней осени, когда большая масса птиц откочевывает из зоны северной тундры на юг в поймы тундровых и лесотундровых рек в поисках корма. Большое количество добываемой в весеннее и летнее время водоплавающей птицы (гусей, лебедей и уток) говорит об активном летнем промысле.

Костей рыбы обнаружено немного (3 %), встречаются кости осетровых и щуки, но по этому материалу трудно судить о значении рыболовства.

Череп соболя, череп и лапы зайца специально сохранялись в жилой части поселения, их скопления являются отражением промысловых культов.

На основе этих данных мы можем заключить, что поселение функционировало круглогодично, что является еще одним косвенным доказательством проживания иноэтнического населения. Все изученные, синхронно функционировавшие аборигенные поселения были сезонными и предназначались для проживания в определенные периоды: так, городище Ярте VI функционировало в летнее время, а городище Бухта Находка – в зимнее [Федорова, 2006; Кардаш, 2011].

Костный комплекс из раскопа № 2, вероятно, представляет собой результат ритуального сожжения костей как минимум 2-х особей бурого медведя, но ни одной кости медведя нет среди кухонных остатков, что также указывает на особое отношение к этому виду. Сжигание костей медведя отмечено на Ендырском городке, обожженные кости лап белого медведя были найдены также на поселении Тиутей-Сале 1. Помимо костей медведя, в этом скоплении обнаружены обожженные кости головы северного оленя [Визгалов и др., 2013. – С. 326].

Обсуждение

По рассмотрении вещевого комплекса, особенностей архитектуры у нас возникли сомнения в однозначной трактовке данного памятника как бронзолитейной ювелирной мастерской. По нашему мнению, это был производственно- жилой комплекс. Приведем доказательства нашей гипотезы.

Все известные производственные центры были расположены непосредственно вблизи месторождений металла. Жители же этого поселения получали уже готовые крицы, поскольку для изготовления криц таких размеров (около 25–30 см и толщиной 2,5–3 см) необходимо несколько условий, а именно – качественное сырье и топливо. Ближайший источник сырья, которое использовалось для изготовления различных изделий из железа и цветных металлов, расположен на Среднем Урале. Рассматривая второй аспект получения криц, необходимо отметить, что наиболее качественный древесный уголь

получается только из очень ограниченного количества пород дерева – из всех достаточно редких и медленно растущих твердолиственных пород (дуб, граб, бук) и березы. Из хвойных – сосны или ели – древесный уголь получается более хрупким и с большим выходом мелочи и угольной пыли. Технология получения железа очень требовательна и к качеству топлива (угля), и к температуре процесса. Хороший, чистый и плотный древесный уголь мог обеспечить как хорошую температуру процесса, так и полное восстановление железа, пережигание всех вредных примесей и правильное остаточное содержание углерода в полученном кричном железе. На месте же мастерской растет смешанный лес, который представлен березой, лиственницей, елью и кедром, но береза, произрастающая в этой местности, по качеству топлива отличается от березы, растущей на Урале или в европейской части России. К тому же углежогные ямы не были зафиксированы на территории памятника, равно как и металлургические печи.

Таким образом, у жителей поселения отсутствовала возможность самим изготавливать такие крицы. Рассматривая синхронно функционировавшее городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в., принадлежавшее только аборигенному населению, стоит отметить, что крицы в составе вещевого комплекса есть, но они значительно меньше – их диаметр около 10–12 см при толщине 1,5 см.

Можно высказать предположение, что такое качественное сырье – крицы с содержанием железа около 50–60 % доставлялось для кузнечного производства различных изделий с последующим совершением торгово-меновых операций на пушнину, либо сами крицы являлись товаром для торгово-меновых операций.

Возвращаясь к размерам и качеству криц, нужно отметить, что сам процесс переработки крицы в изделие был непростым. Крица разбивалась, нагревалась и проковывалась. Для того чтобы разбить такую крицу, необходим был очень массивный инструмент. В связи с малой площадью исследования инструменты кузнечного производства не были найдены, но в рекогносцировочном раскопе № 1 2012 г. были зафиксированы остатки двух горнов, а также каменные наковальни со следами утилизации, что прямо указывает на кузнечное производство. Подобные горны с углубленным основанием были зафиксированы на Рачевском комплексе XII в. [Зыков, 1986. – С. 124]. На синхронно функционировавших памятниках, принадлежавших аборигенному населению, есть следы кузнечного производства, но это так называемая «ковка на обухе топора», производившаяся в домашних условиях. Так, на городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в. есть крицы в составе вещевого комплекса, но они значительно меньше, их диаметр около 10–12 см при толщине 1,5 см и нет следов специализации кузнечного производства, что говорит о домашнем ремесле [Кардаш, 2011]. В слое середины XV – XVI в. Надымского городка были зафиксированы остатки постройки 20, которая была интерпретирована как кузница. С постройкой связано скопление камней, шлака и окалины. Рядом с постройкой были также найдены кузнечные клещи [Кардаш, 2012]. Рассматривая в целом процесс металлообработки, стоит отметить, что он не мог возникнуть спонтанно, этому должны были предшествовать различные предпосылки, к тому же сама технология должна была распространиться на сопредельные территории, однако этого не произошло, соответственно, эта технология была принесена иноэтничным населением.

Рассматривая интерпретацию авторов первого исследования комплекса, что это бронзолитейная ювелирная мастерская аборигенного населения, следует отметить, что на сегодняшний день нет ни одного аборигенного памятника со следами ювелирного производства. Так, на синхронно функционировавших памятниках, принадлежавших аборигенному населению, – городище Бухта Находка, городище Ярте VI ювелирного производства нет. Лишь в конце XVI в. в Надымском городке появляется литейное производство, которое ограничивалось изготовлением украшений женского костюма из олова в односторонних литейных формах из камня. Литые оловянные бляшки для костюма производилось в жилых помещениях и не было связано с кузнечным производством [Кардаш, 2013]. Скорее всего, как и в недавнем прошлом у остяков, это ремесло существовало как одно из женских и носило домашний характер [Мартин, 2004. – С. 58–59; табл. 3]. На наш взгляд, это является косвенным доказательством проживания на территории поселения иноэтнического населения. Несомненно, литье, равно как и кузнечное производство, были главным занятием жителей поселения. Здесь нужно отметить, что, помимо бронзовых украшений, на территории памятника были найдены серебряные украшения и медные

пластины, поэтому мы не можем согласиться с авторами первого исследования, что это была только бронзолитейная мастерская.

Мы также не можем согласиться с авторами первого исследования о времени существования мастерской, которое они определили в рамках X–XIII вв. на основании сравнительно-типологического анализа бронзовых артефактов. На основании стратиграфического анализа, глубины жилищного котлована и мощности культурных отложений можно сделать вывод о периоде существования этого поселения, который вряд ли превышал столетие. Судя по времени бытования найденных артефактов, мы можем ограничить этот период концом XII – началом XIV в.

Коллекция артефактов подтверждает наличие металлообработки непосредственно на памятнике (шлаки, крицы, медные пластины, бракованные изделия), характеризует материальную культуру и торгово-меновые связи населения. Следует отметить, что большинство находок были обнаружены на территории площадки № 1, тогда как на территории площадки №2, где был расположен ритуальный комплекс, найдено всего 7 предметов. Так, при детальном рассмотрении вещевого комплекса необходимо отметить, что количество найденных украшений говорит о том, что они изготавливались в производственных масштабах для осуществления торгово-меновых операций. Некоторые ювелирные украшения находят прямые аналогии с вещевым комплексом Новгорода Великого, к тому же само производство украшений указывает на высокотехнологичные навыки, присущие населению Северо-Восточной Европы. Найденные предметы быта – фрагменты стенок медных котлов – к этой функциональной группе отнесены условно, поскольку больших фрагментов найдено не было. В этой связи нам представляется возможным предположить использование этих нарубленных стенок для легирования серебром и получения бронзы. В процессе раскопок не были найдены оловянные изделия, а только нарубленные серебряные, поэтому и было высказано предположение, что медь легировали серебром.

На производственный характер поселения также указывают специализированные инструменты литейного производства, в том числе заготовки и отходы кузнечного производства.

Население, которое здесь осело и занималось ремесленной деятельностью, скорее всего установило брачные связи с аборигенным населением. Детали костюма ритуального назначения говорят нам о том, что на поселении присутствовали женщины, причем аборигенные. Говорить о том, что все население было аборигенным, мы не можем, поскольку на сегодняшний день нет ни одного известного аборигенного памятника со следами ювелирного производства, что, на наш взгляд, является косвенным доказательством проживания на территории поселения иноэтничного мужского населения, которое устанавливало брачные связи с аборигенным.

Рассматривая место расположения, удаленное от сырья, вещевого комплекс с прямыми аналогиями изделий Новгорода Великого, навыки и технологию производства, мы предполагаем, что это поселение являлось торгово-производственной факторией, связанной с населением Северо-Востока Европы, которое прибыло для торговли. Следует отметить еще несколько фактов, обосновывающих нашу гипотезу. Характер поселения указывает на его оборонительную функцию, поскольку был использован естественный укрепленный мыс и, возможно, искусственно созданный ров. Похожая система фортификации была у Рачевского комплекса. Он также был с трех сторон окружен крутым склоном, а с четвертой – валом и искусственным углублением [Терехова, 1986. – С. 116]. В бассейне реки Таз единственное известное укрепленное поселение – городище Мангазея, которое было основано русскими. Все известные аборигенные поселения не являлись оборонительными, что косвенно указывает на иноэтничность основателей Тазовской мастерской. Второе, довольно существенное отличие от синхронно функционировавших объектов, расположенных на сопредельных территориях, – это круглодичность проживания, которое было основано на данных археозоологической коллекции. Аборигенные поселения были сезонными и предназначались для проживания в определенные периоды – так, городище Ярте VI функционировало в летнее время, а городище Бухта Находка – в зимнее [Федорова, 2006; Кардаш, 2011].

На современном уровне изучения мы считаем, что данное поселение являлось торгово-производственной факторией, связанной с населением Северо-Востока Европы. Несомненно, для подтверждения связи с населением Северо-Востока Европы необходимо провести дальнейшие археологические

исследования, поскольку объем полученных данных в результате охранных полевых исследований 2012 г. невелик и не может дать репрезентативную оценку.

Списки источников и литературы

Архивные источники:

Визгалов Г. П. Отчет о НИР. Археологическое обследование бассейна р. Таз в Тазовском районе ЯНАО, проведенное летом 2005 года. – Нефтеюганск, 2005. Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. № 141.

Зыков А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири в II–XVII веках: дис. канд. ... ист. наук. – М., 2008. – Архив ПНИАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 407, 407А.

Кардаш О. В. Отчет о НИР «Проведение противоаварийных раскопок разрушающегося памятника археологии «Надымское городище» (Надымский городок). – Нефтеюганск, 2012. – 214 с. – Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д.

Коноваленко М. В. Отчет о НИР «Аварийные раскопки разрушающегося объекта культурного наследия «Тазовская литейная мастерская» в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2012 г.» – Нефтеюганск, 2013. – 145 с. – Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. № 361.

Литература:

Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Зап. РГО. – СПб., 1857. Кн. XII. – С. 327–448.

Алексащенко Н. А., Первалова Е. В. Сон, падай, падай (трассологический метод в археолого-этнографических исследованиях: гребни) // Самодейцы: Материалы IV Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). – Тобольск; Омск, 2001. – С. 177–181.

Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. 152 с.

Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой; под ред. А. Я. Труфанова; коммент. А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. – 184 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. – Т. 2: Материальная культура и хронология. – М.: Наука, 2008. – 365 с.

Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – 758 с.

Ашихмина Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1977. – С. 139–166.

Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. – Пермь, 1958. – 244 с.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь, 2008. – 603 с.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 3 (30). – С. 51–60.

Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири / под общ. ред. П. А. Косинцева. – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2013. – 376 с.: ил. (МИИ СЗС. – Вып. IV).

Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси) / Ин-т истории и археологии УрО РАН; Свердлов. краевед. музей; Департамент культуры и искусства ХМАО – Югры. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2008. – 208 с.: ил.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 216 с.

Древняя Русь: Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. – М.: Наука, 1997. – 368 с. – Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – Т. 16.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с.

Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1998. – С. 220–243.

Зыков А. П. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 123–130. – ВАУ. – Вып. 18.

Зыков А. П., Кокишаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: ВОЛОТ, 2001. – 320 с.: ил.

Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). – Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург: АМБ, 2011. – 60 с.: ил.

Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь Урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования): в 2 т. – Екатеринбург: Караван, 2015. – Т. 1. Археологические исследования. – 448 с.

Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 360 с.: ил.

Кардаш О. В., Пономарева Т. М. Гребни IX–XIII веков из раскопок археологических памятников Севера Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – Вып. 2 (50). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – С. 72–81.

Королев В. С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. – Екатеринбург, 1997. – 194 с.

Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 364 с.

Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой; под ред. А. Я. Труфанова; коммент. А. С. Сопочиной и А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. – 144 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хант., манс., немец. яз. / сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной; под общ. ред. Е. С. Новик. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1990. – 568 с.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел // САИ. – Вып. Е1–36. 1966. – 184 с.

Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.: ил.

Мурыгин А. М., Липс С. А., Кардаш О. В. Древнее святилище на реке Море-Ю: Каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. – Екатеринбург: ИГ Караван, 2017. – 311 с.: ил.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – 805 с.

Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 255–298.

Перевалова Е. В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера: Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 85–97.

Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л., 1987. – 200 с.

Савельева Э. А. Кисильковский II могильник // МАЕСВ. – Вып. XIX. – 2015. – С. 89–109.

Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Стефанов В. И. Моховая XLVI – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск, 2002. – Вып. 1. – С. 164–210.

Судаков В. В., Буланкин В. М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.

Терехова Л. М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ. – С. 114–123. – ВАУ. – Вып. 18.

Федорова Н. В. Каслание длиной в две тысячи лет: человек и олень на севере Западной Сибири // Уральский исторический вестник. – Вып. 14. Материалы ко II Междунар. Северному археологическому конгрессу. – Екатеринбург, изд-во УрО РАН, 2006. – С. 149–156.

Хлобыстин А. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 248–257.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: Тезис, 1999. – С. 9–66.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–65.

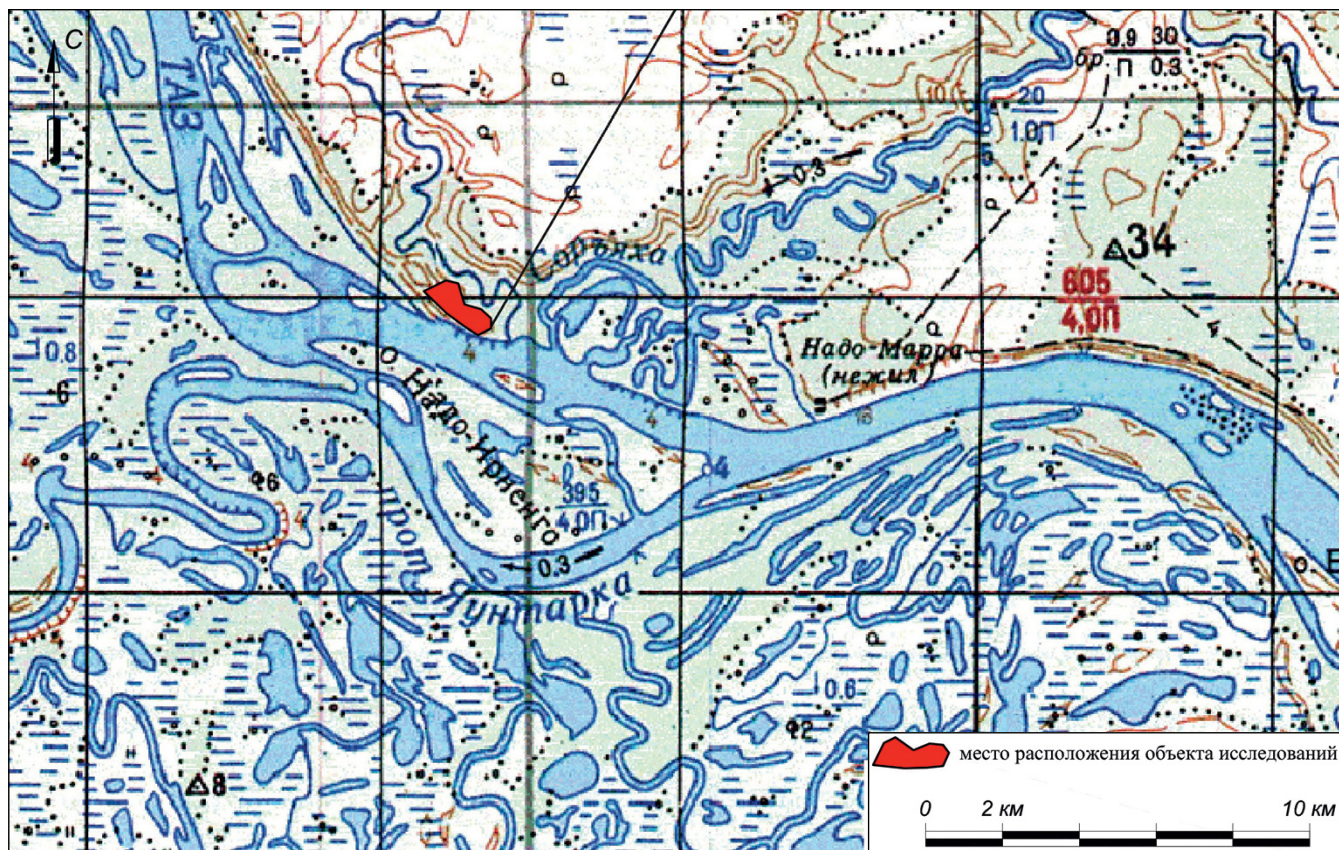

Рис. 1. Обзорная схема расположения Тазовской мастерской

Рис. 2. Тазовская мастерская. Общий вид с юго-запада

Рис. 3. Место сбора для рыбной ловли на песке Надо-Мара тазовских ненцев рода Салиндер

Рис. 4. Место сбора для рыбной ловли на песке Надо-Мара тазовских ненцев рода Салиндер

Рис. 5. ЯНАО. Тазовский р-н. «Тазовская мастерская». Общий вид на восточную часть памятника с р. Таз. Вид с юга

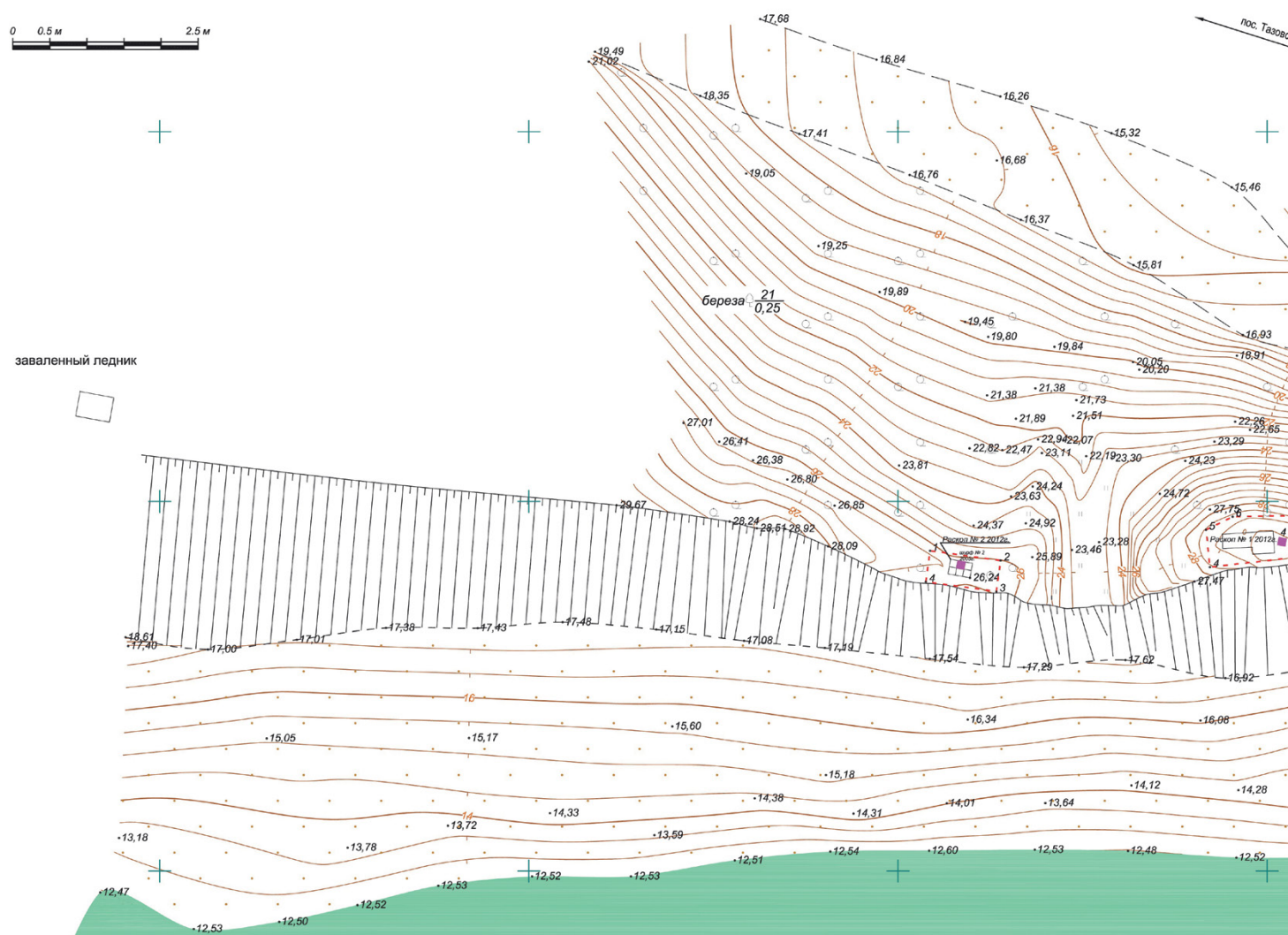

Рис. 6. «Тазовская мастерская». Общий вид на восточную часть памятника с р. Таз. Вид с юго-запада

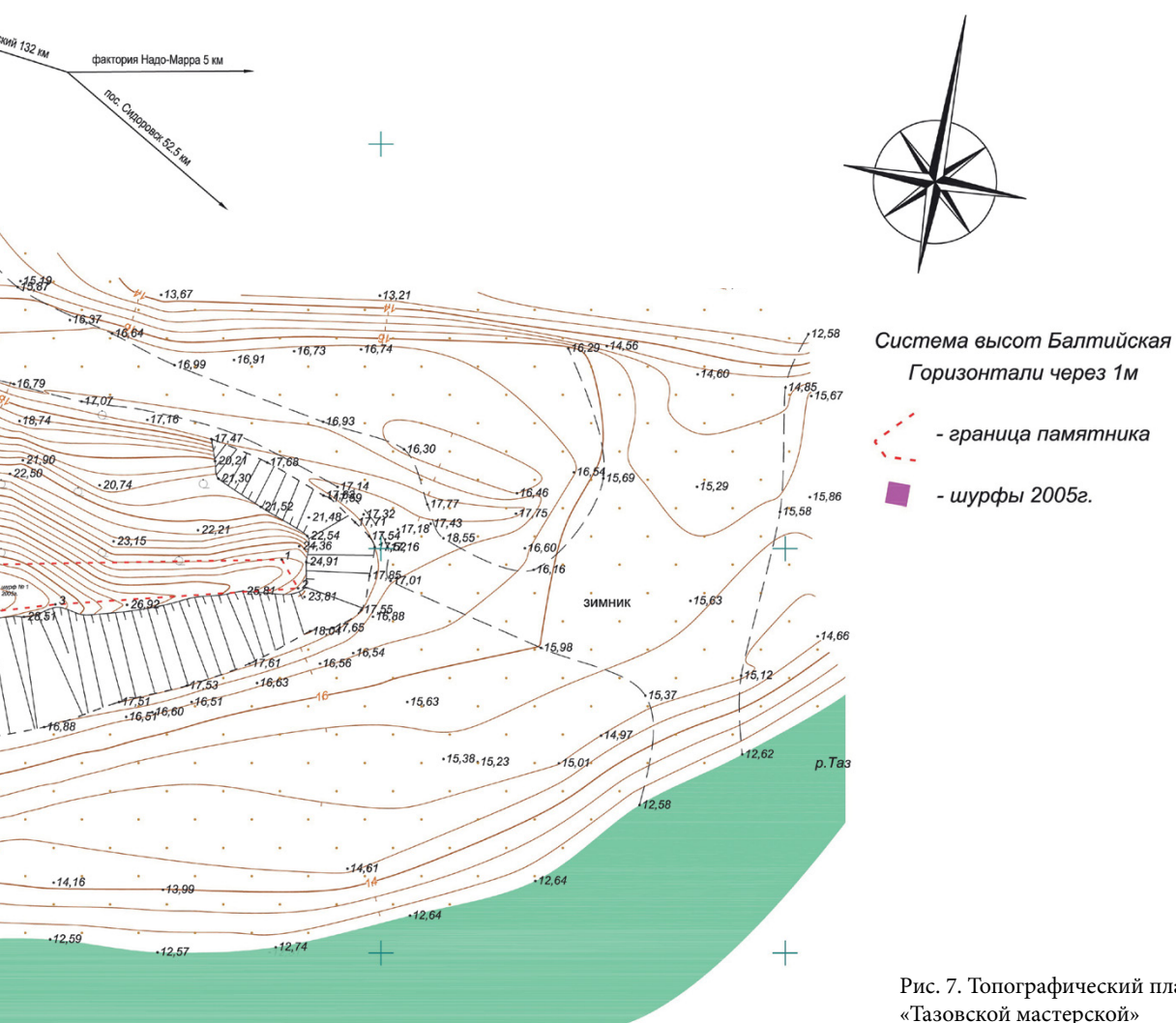

Рис. 7. Топографический план территории «Тазовской мастерской»

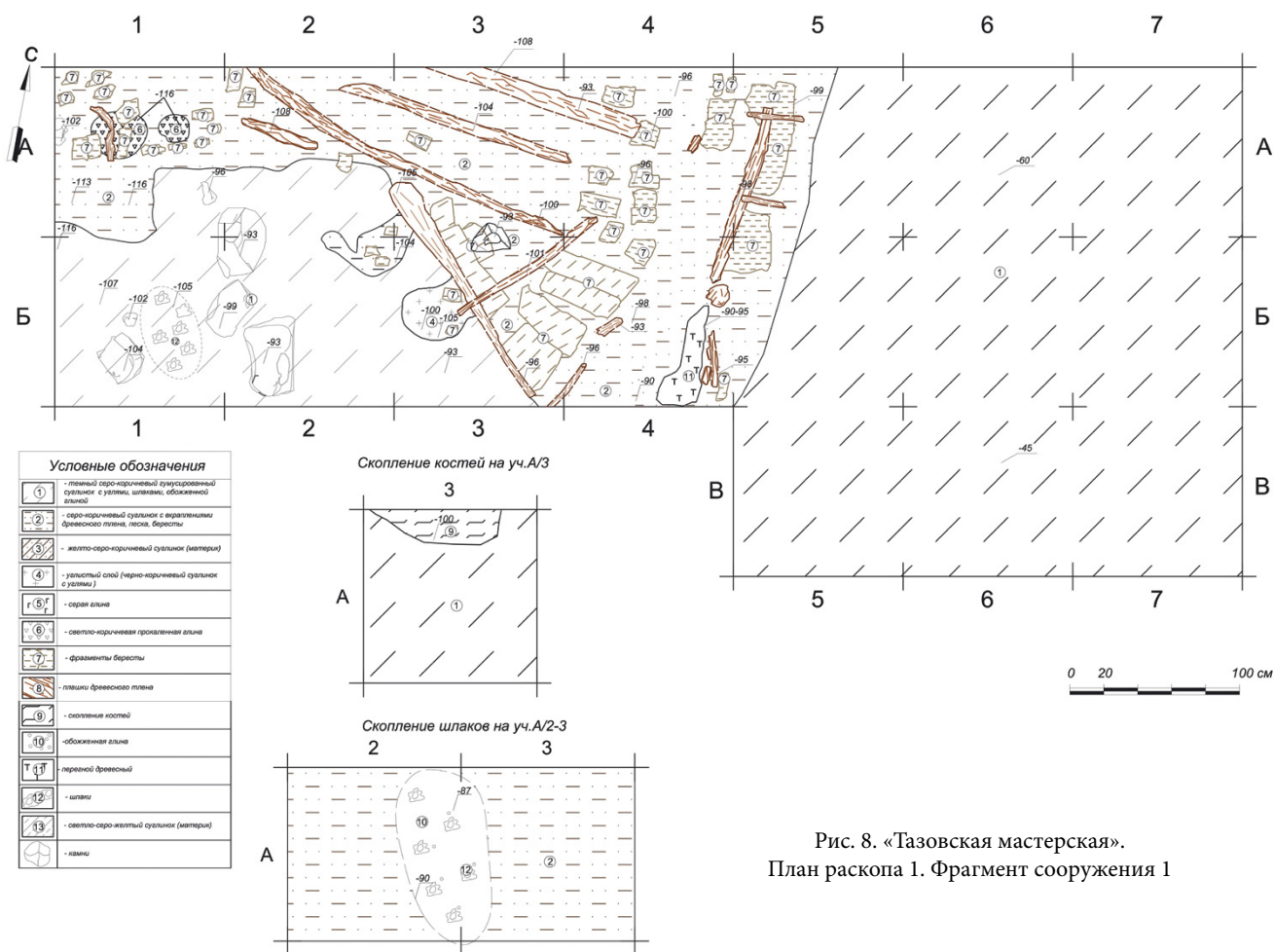

Рис. 8. «Тазовская мастерская». План раскопа 1. Фрагмент сооружения 1

Рис. 9. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Фрагмент сооружения 1. Скопление валунов. Вид с севера

Рис. 10. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Восточная часть сооружения 1. Вид с севера

Рис. 11. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Яма 1 в сооружении 1. Вид с юга

Рис. 12. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Стратиграфический разрез сооружения 1. Вид с юга

Рис. 13. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Стратиграфический разрез сооружения 1. Вид с востока

Рис. 14. «Тазовская мастерская» Фото раскопа 1.
Развал рюмковидного тигля. Вид с востока

Рис. 15. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1.
Скопление костей животных. Вид с юга

Рис. 16. «Тазовская мастерская». Вещевой комплекс. 1 – подвеска в форме лапки водоплавающей птицы (лапчатая), бронза; 2 – подвеска, бронза; 2a – графическая реконструкция; 3 – подвеска, серебро; 4 – привеска, деталь шумящей подвески, бронза; 5 – шумящая подвеска, щиток, бронза; 6–14 – бусины, стекло; 15 – круглая плоско-коническая бляшка, бронза

Рис. 17. «Тазовская мастерская». Вещевой комплекс.

1 – стрела, наконечник стержневидный (бронебойный) железо; 2, 3 – стрела, наконечник с поражающей (боевой) частью в форме широкой вилки («вильчатый срезень»), железо; 4 – стрела, наконечник ромбовидный, кость; 5, 6 – крюки рыболовные, железо; 7 – шило, железо; 8, 9 – игла швейная, железо; 10–23 – фрагменты стенок котла, медь

Рис. 18. «Тазовская мастерская». Вещевой комплекс.

1 – тигель рюмковидный, керамика; 2 – крица; 3 – ножка тигля рюмковидного, керамика

Рис. 19. «Тазовская мастерская». Вещевой комплекс.

1 – гребень; 2 – изделие неизвестного назначения, кость; 3 – вороб; 4 – игла для вязания сетей; 5, 6 – подвески из челюстей животного